

Пассажиры Обратного Ветра

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Пассажиры обратного ветра

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Пассажиры обратного ветра / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Волга, 1912 год. Антрепренёр исчез с деньгами, оставив актрисе Ксении Барышевой неоплаченные комнаты, чужие декорации и труппу, которой некуда ехать. Старый пароход «Верность» принадлежит торговому дому Бекетова. Сын хозяина, Михаил Бекетов, приехал принять судно — и неожиданно соглашается дать артистам шанс заработать на дорогу. Теперь на каждой пристани им нужны зал, публика и хотя бы один удачный вечер. Ксения мечтает о серьёзной роли, Михаил умеет считать расходы, а их товарищи строят собственные планы на осень. С каждой остановкой им двоим всё труднее расставаться после репетиций. Но пароход уже обещан покупателю, а из Петербурга приходит приглашение, которого Ксения ждала несколько лет. Дорога к столичной сцене может оставить товарищей без главной актрисы. Ей предстоит решить не только кого играть, но и чью жизнь она хочет прожить.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последние деньги	5
Глава 2. Человек с берега	12
Глава 3. Без занавеса	19
Глава 4. До двенадцатого августа	25
Глава 5. Роль для живого человека	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

А.М. Сунгурский

Пассажиры обратного ветра

Глава 1. Последние деньги

Силантьев уехал в сапогах, в которых никогда не выходил из гостиницы. Именно это, а не пропавшая касса, убедило Ксению, что ждать его бесполезно.

Сапоги были жёлтые, мягкие, с кисточками: в них антрепренёр пил утренний кофе и ругал провинциальную публику. Для дел он обувался в чёрное. Ксения видела жёлтые голенища из окна, когда извозчик затягивал ремень на дорожном сундуке, но тогда занялась другой, более настоящей бедой: Поля прожгла утюгом рукав её единственного приличного платья. На сцене прожог можно было повернуть к стене. За столом, где выдавали жалованье, хотелось сидеть прямо.

Теперь на столе лежали четырнадцать рублей семьдесят копеек, гостиничный счёт и половина сладкой булки. Из окна, открытого в речную жару, доносился неуместно весёлый стук колёс. В Рыбинске третьего июля 1912 года всё ещё куда-то ехали.

— Он вернётся, — сказала Фаня.

Зинаида Павловна сняла с булки бумажную салфетку, осторожно завернула съестное и убрала в сумку.

— Разумеется. Всякий порядочный человек возвращается. Вопрос, доживём ли мы.

Поля стояла у двери, прижав к животу утюг. Она взяла его с собой, чтобы показать, какой плохой оказался прибор, а после известия о Силантьеве не догадалась отнести. Носик утюга уже не обжигал юбку.

Ксения пересчитала деньги. Во второй раз вышло столько же. Ей причиталось сорок два рубля за июнь и дорогу; Зинаиде Павловне — больше. Аркадий Фомич Бреннер вчера послал жене последние три рубля, рассчитывая на сегодняшний расчёт. Пианист жил в долг у портного, которому обещал обучить дочь музыке, и уже две недели обучал, не получая за это ничего, кроме права спать за ширмой.

На внутренней стороне кассового ящика лежала записка: «Прошу никуда не расходиться. По устройстве затруднения немедленно уведомлю. Г. С.»

— Если не расходиться, — сказал Бреннер, — мы будем очень удобны для опознания.

Он произнёс это своим обыкновенным голосом; на сцене за такую фразу непременно поднимал бы бровь. В жизни бровь у него опустилась.

Хозяин гостиницы вошёл без стука. Его сопровождал половой с длинными руками и выражением человека, которого послали передвинуть мебель. Хозяин поздоровался со всеми, посмотрел на Ксению и спросил, где господин Силантьев.

— По делам, — ответила Фаня.

— Это я знаю. Багаж-то его тоже по делам?

Никто не засмеялся. Гостиничник вытер лоб платком, заглянул в кассу и сразу перестал притворяться, будто пришёл спросить.

— Номера оплачены по позавчерашний день. Дальше — за ваш счёт. Багаж до расчёта останется.

— Мой оплачен, — сказала Зинаида Павловна.

— С вами отдельно.

Ксения вдруг почувствовала, как одна короткая фраза разъединила их. Ещё утром все должны были отправиться вниз по Волге в одной труппе. Сейчас у каждого обнаружилась своя степень несостоятельности. У Зинаиды оставалось несколько рублей, у Фани — цепочка, у Ксе-

нии — серьги, подарок умершего мужа. Серьги были невелики, но камни настоящие; она уже однажды носила их оценивать и знала, на сколько суток хватает памяти о хорошем человеке.

— Наши вещи вам не принадлежат, — сказала она.

— Вы это господину Силантьеву объясните.

— Ему объяснить трудно. Начнём с вас.

Хозяин посмотрел внимательнее. Ксения знала этот взгляд: сейчас он решал, много ли шума выйдет из худой женщины с дурно зашитым рукавом. Она положила гостиничный счёт перед собой. Долг за комнаты труппы был меньше, чем ей почудилось при первом взгляде, но всё равно превосходил содержимое ящика. В счёте отдельно стояли вино, табак, извозчики и ужины Силантьева.

— Вот это мы не заказывали.

— Он за вас отвечал.

— Отвечал. Теперь уехал. А вы хотите, чтобы мы заплатили ещё и за его вино.

За её спиной Поля глухо опустила утюг на комод. Половой обернулся к нему. На несколько мгновений все, кроме Ксении, стали смотреть на утюг, будто именно он мог разрешить затруднение.

Ксения отделила строки за собственные комнаты, попросила чернила и потребовала расписку на частичную уплату. Хозяин упирался, но уже называл её по имени-отчеству. Сдать пустые номера он мог сегодня; кормить запертых в них артистов не собирался. Зинаида добавила три рубля, Бреннер — восемьдесят копеек, которые берег на телеграмму жене. Присоединили кассовые деньги. Хозяин согласился отпустить личные сундуки и держать до следующего вечера общий ящик с декорациями, принесённый из сада после вчерашнего спектакля.

— Это тоже не всё ваше, — предупредила Ксения. — Не продавайте.

— Я театральными пейзажами не торгую.

Он покосился на нарисованную колонну, торчавшую из-под крышки. Колонна была короче человеческого роста, но на сцене изображала величие дворянского дома.

Когда гостиничник ушёл, Фаня спросила:

— А есть мы будем пейзаж?

Вопрос был задан без упрёка, что делало его значительно хуже.

Ксения села. В ладони осталось сорок копеек. Она так увлеклась борьбой за право не платить за чужое вино, что купила им свободу без обеда. Поля подошла, забрала утюг и вдруг поставила перед ней завернутый в тряпицу хлеб.

— Вчерашний. Я для сухарей отложила.

Зинаида Павловна достала булку. Бреннер принёс нож. Есть начали молча; только Юлий, явившийся от портного в слишком длинном сюртуке, сказал, что у него хорошие известия: девушка наконец отличает соль от си. Ему ответили таким взглядом, что он сразу сел на пол у окна и стал жевать вместе со всеми.

* * *

К полудню их вещи стояли у паровой пристани.

«Верность» издали выглядела наряднее, чем вблизи. Вода отражала светлую надстройку, скрывая отбитую краску; красная полоса на трубе была видна даже сквозь жаркое марево. У козла колеса сушились две рубахи. На верхней палубе матрос мыл доски, с каждым взмахом щётки приближаясь к единственному стулу, на котором сидел незнакомый господин в светлой шляпе. Господин поднимал ноги, потом опускал, потом опять поднимал. Матрос не предлагал ему другого места.

Ксения велела носильщикам поставить сундуки в тени.

— Вы приказали до сходней, — напомнил старший.

— До сходней. Мы и дошли.

— А дальше?

— Дальше нас повезут.

Это было первое её заявление за день, для которого не имелось никаких оснований. Тем не менее старший кивнул: так ему объясняли состоятельные пассажиры. Деньги за переноску уже уплатила Зинаида Павловна, всё время повторяя, что записывает каждую копейку. Ксения не спорила. Ей было даже легче оттого, что помощь называлась долгом.

У трапа её остановил человек с рыжей щетиной, в тёмной жилетке поверх рубахи.

— Артисты?

— Да. Где капитан?

— Не принимает.

— Больной?

— Здоровый. Поэтому и не принимает.

Ксения посмотрела мимо него на палубу. Светлая шляпа исчезла. Человек с щетиной загораживал проход совершенно без усилия, как шкаф. За его плечом находилось не только судно, но и единственное в Рыбинске место, где труппа могла сегодня лечь спать.

— Нам назначен отход в два часа. Наши каюты оплачены Силантьевым.

— Силантьевым много чего назначено.

— Позовите капитана.

— Товарища можете оставить на берегу, — сказал он, указав на Бреннера. — Он вчера капитана изображал. Сегодня второго не требуется.

Бреннер поклонился, но шутку не поддержал. Это убедило речника сильнее слов. Он отошёл, оставив Ксению у нижней доски трапа.

За соседней пристанью разгружали мешки. С берега к воде всё время спускались люди — приказчики, крючники, мальчики с корзинами; никто не задерживался здесь без дела. Только шесть артистов и Поля стояли среди сундуков, как выставленные на продажу. Шестым был молоденький актёр Гоша Лопатин, которого Силантьев нанял для всех офицеров сразу. Он пришёл позднее остальных и с утра ни разу не выругался. Это беспокоило Ксению: Гоша ругался при любом затруднении, кроме настоящего.

Капитан спустился сам. Ксения ожидала крупного человека; Осип Лукич оказался невысоким, с узким, обветренным лицом. Он держал в руках сложенный лист.

— Вещи забрать можете, — сказал он. — Те, что уже на судне. Ночевать никого не оставляю.

— Почему?

— Наём прекратился.

— Нас наняли до Нижнего.

— Вас — возможно. Меня нанял Бекетов. Силантьев мне за хозяина не приходится.

Ксения посмотрела на лист. Капитан сложил его ещё раз, не давая читать через руку.

— Ваше жалованье тоже не привезли? — спросила она.

Он перестал складывать бумагу.

— А вам откуда известно?

— Там наверху рубахи сушатся на нашем театральном шнуре. Я узнаю узлы. Мы уже неделю живём одним способом.

Капитан проследил её взгляд, но не улыбнулся.

— Денег за июнь нет. Сегодня разберёмся.

— Если стоять, откуда они возьмутся?

— Не ваше дело.

— Пока вы нас сгоняете на берег, моё.

Тут подошёл господин в светлой шляпе. На нём были хорошие башмаки, забрызганные грязной водой с палубы. Он снял шляпу, представился Михаилом Романовичем Бекетовым и вежливо попросил Ксению не разговаривать с капитаном таким тоном.

За сегодняшнее утро её уже лишили жалованья, комнаты, обеда и большей части декораций. Право на тон она оставляла себе.

— Каким именно?

— Будто капитан виноват в ваших затруднениях.

— А вы виноваты?

— Нет.

— Значит, свободны. Я беседую с тем, кто умеет водить пароход.

Бреннер кашлянул. Ксения успела понять, что перебрала, прежде чем Михаил ответил:

— А я приехал принять пароход у нанимателя. И располагаю правом распорядиться, куда он пойдёт.

Она посмотрела на его башмаки, потом на капитанский лист. Силантьев всегда говорил о «нашем судне», когда уговаривал артистов согласиться на небольшое жалованье. Ксения видела его за ужином с хозяином компании; теперь оказалось, что даже исчезнуть он сумел с чужим величием.

— Нанимателя нет, — сказала она уже иначе.

— Я заметил.

— Примите у нас.

Михаил не сразу понял.

— Мы можем отработать дорогу, — продолжила Ксения. — Спектаклями. По берегу есть сады, залы, трактиры с приличной публикой. У нас договорены остановки. До Ярославля заработаем хотя бы на первые расходы.

— Договорены кем?

Ксения замолчала. Бекетов не торжествовал; от этого ему хотелось ответить грубее.

— Покажите договоры, — сказал он.

У неё были три письма и листок с фамилиями, который Силантьев диктовал после ужина. В одном письме устроитель просил прислать афишу; во втором сообщал, что свободных дней больше нет; третье, костромское, действительно приглашало труппу, но без денежного обязательства. Ксения знала это с утра. Она и предложила ехать потому, что на стоянке у них не было ничего, даже таких ненадёжных возможностей.

— Покажу, — сказала она. — Только сначала дайте людям убрать вещи с солнца.

Михаил оглядел берег. Фаня сидела на сундуке, прикрыв шляпой лицо; Поля, ещё не оправившись от утюга, держала в руках коробку с иголками, будто боялась, что и её отберут. Господин Бекетов оказался достаточно воспитан, чтобы заметить это, и недостаточно опытен, чтобы скрыть, как замеченное мешает его решению.

— Осип Лукич, вещи можно пока перенести под навес. Только вещи.

— А мы за ними присмотрим, — сказал Бреннер.

Михаил посмотрел на него и улыбнулся.

— Вы, кажется, и есть весь ваш запас честности.

— Мой господин, запас честности велик. Денег мало.

Пока носили сундуки, Ксения увидела, что светлая шляпа на самом деле помята с одного бока, а белый воротничок натёр Михаилу шею. Эти незначительные недостатки помогли ей перестать видеть перед собой одно лишь право распорядиться чужой судьбой.

* * *

Разговор продолжили в салоне. На стене висело зеркало, через которое река двигалась в обратную сторону: Ксения каждый раз поворачивала голову, чтобы убедиться, что судно ещё стоит. В углу, укрытое чехлом, ждало их маленькое пианино. Она провела ладонью по его крышке, прежде чем сесть. Юлий поднял бы шум, если бы узнал, сколько спокойствия ей дала эта бесчувственная вещь.

Михаил читал письма. Капитан смотрел в окно. Трошин, механик с рыжей щетиной, принёс список задолженности команде и положил перед хозяином так, что тот не мог отодвинуть его, не накрыв актёрские бумаги.

— Отец передал Силантьеву деньги для вас, — сказал Михаил.

— Знаю, — ответил капитан. — Но работали мы у вашего отца.

Повисло молчание. Ксения была готова помочь речникам, хотя её помощь могла окончательно испортить предложение о поездке. Михаил положил ладонь на список.

— С командой рассчитается торговый дом. Это не предмет торга. Мне нужно отправить телеграмму, затем получить деньги здесь. Часть у меня есть.

Трошин расслабил плечи. Ксения увидела, как одно предложение изменило человека: он ещё не получил ни копейки, но перестал ждать обмана в каждом следующем слове.

— А нам кто? — спросила она.

— Ваш наниматель.

Он ответил без жестокости, и всё-таки ей стало больно. Вчера обе группы служили одному путешествию. Сегодня между ними легла граница собственности, которую нельзя было перешагнуть удачной репликой.

Михаил подвинул к ней костромское письмо.

— Допустим, вы выступите. Сколько получите?

Ксения назвала сбор, который бывало удавалось взять в хорошем саду. Он спросил о доле хозяина, плате музыкантам, печати афиш, керосине, извозчиках. На первые вопросы она ответила сразу, на последние — уже медленнее. Он не знал театральных цен и дважды ошибся, зато безошибочно замечал всё, что она забывала включить.

— Вы хотите устроить представление за счёт парохода, — заключил он.

— А вы хотите увезти пустой пароход. Он при этом не питается воздухом.

Капитан едва заметно кивнул. Михаил заметил.

— До Ярославля, — сказала Ксения, не давая ему ответить. — Отправьте телеграмму. Дайте нам три дня. Вы останетесь здесь и сами увидите сборы. Если не заработаем текущих расходов, сойдём. Никто не просит подарить нам судно.

— Три дня после прихода, — уточнил капитан. — Иначе весь ваш срок уйдёт на береговые хлопоты.

Михаил встал и прошёл к окну. Его отец, как выяснилось, велел поставить «Верность» в рыбинский затон, пока не решится вопрос о продаже. Сыну предстояло закрыть неудачный наём и представить расходы. Вместо этого перед ним сидела женщина, предлагавшая продолжить его неудачу в более занятой форме.

— У меня нет обязанности спасать вашу труппу, — сказал он.

— Нет.

Ему явно было бы легче, если бы она начала спорить.

— И долги Силантьева я не принимаю.

— Я услышала.

— Мне понадобится залог.

Ксения посмотрела на пианино. Инструмент принадлежал Юлию; большинство декораций — Силантьеву. Платья были её, но сколько дадут за платье, в котором уже пять лет изображают новое счастье?

Она расстегнула сумочку, достала небольшой футляр и положила на стол. В июне серьги ещё казались неприкосновенными. К июлю научились помещаться между хлебом и билетом.

Михаил не протянул руки.

— Этого не хватит на рейс.

— На подтверждение, что я не прошу развлечения, хватит.

— Уберите.

— Не делайте из этого подарка. Возьмите под расписку. Если деньги будут нужны, я сама решу, где продать.

Он посмотрел на неё с неожиданным раздражением. Ксения поняла: он хотел поступить деликатно, а она не дала. За день они успели помешать друг другу почти всеми возможными способами.

В конце концов футляр остался у неё. Михаил внёс в условие личный взнос Ксении в предстоящие расходы и свою ограниченную сумму; отдельно написал, что до ответа отца решает только переход до Ярославля с короткой стоянкой у Романова-Борисоглебска. Счёт трупы он потребовал вести ежедневно. Капитан поставил рядом собственное условие: на ходу никто не спорит с его распоряжениями, на палубе ничего не перестраивают без его ведома.

— На сцене распоряжаюсь я, — сказала Ксения.

— Если сцена на моём судне, — ответил Осип Лукич, — до воды распоряжаетесь вы. Начиная с воды — я.

Из салона они вышли под вечер. Отход отложили до утра: нужно было закончить расчёты, взять топливо и вернуть из гостиницы хотя бы тот ящик, который содержал входную дверь из «Господина поручителя». Без двери водевилей становился необъяснимым.

Михаил пошёл на телеграф, капитан — к команде, а Ксения поднялась под навес к своим. Никто не спросил, победила ли она. Зинаида Павловна уже видела по лицу, что победы пока не вышло.

— До Ярославля, — сказала Ксения. — Утром идём. Дальше будет зависеть от нас.

— Сколько ещё доплачивать? — спросила Зинаида.

— Пока не знаю.

Это было честно и прозвучало значительно хуже утренней уверенности. Поля кивнула, подняла коробку с иглами и направилась искать место для работы. Юлий заглянул в салон к пианино. Фаня спросила, успеют ли они постирать платья.

Только Гоша остался у борта. Он держал в руках картонный чемодан, купленный в расрочку у того же портного.

— Я не пойду, Ксения Максимовна.

Она уже раскрыла рот для уговоров, но он заговорил быстрее:

— У меня мать в Угличе. Брат место нашёл, в конторе. Я думал, после сезона вернусь. Теперь, видно, раньше.

Ксения смотрела на него и думала о том, кто сыграет офицера. Мысль была такой мелкой рядом с его побледневшим лицом, что она рассердилась на себя.

— Чем поедешь?

— У матери знакомый здесь. Одолжит.

Она хотела вернуть ему долю утренних денег, но отдавать было нечего. Пришлось обнять. Гоша стоял неподвижно, прижимая чемодан к ноге, потом неловко погладил её по плечу, словно утешать следовало именно её.

Он ушёл по трапу. Пока они спорили о деньгах и вещах, труппа оставалась прежней. Теперь между сундуками возникло место, которое не удавалось заполнить перестановкой.

На берегу зажигались огни. Река потемнела, а в зеркале салона ещё держалась полоска бледного неба. Ксения села у пианино, открыла водевиль и зачеркнула фамилию Гоши в списке действующих лиц.

Михаил вернулся, когда она прикидывала, можно ли слугу сделать отставным офицером и не погубить второй акт. Он положил на стол квитанцию телеграфа, снял шляпу и не стал спрашивать о тишине на палубе.

— Ответ будет утром, — сказал он.

— А если отец запретит?

— До Ярославля я уже разрешил.

Ксения подняла на него глаза. Это было первое обязательство, за которое ему предстояло заплатить собственным спокойствием. Ей захотелось поблагодарить, но он уже смотрел в раскрытую пьесу.

— Кто-нибудь здесь хотя бы раз отдаёт долг?

— В последнем действии все. За это публика нас и любит.

Он усмехнулся, а она рассмеялась. Смех вышел коротким, усталым. Тем не менее «Верность» уже несла не только их вещи.

Глава 2. Человек с берега

Утром Михаил проснулся оттого, что кто-то под его окном потребовал душу.

— Отдайте мне душу, сударь, — сказал женский голос, — и можете оставить себе проценты.

Другой голос, мужской, возразил, что проценты за три месяца набежали немалые. Потом оба заспорили о чайнике. Михаил сел на узкой койке и ударился плечом о стенку. Солнечная полоса делила каюту пополам; в светлой половине лежали его брюки, в тёмной — ботинки. За ночь судно ещё сильнее стало чужим.

Он приехал в Рыбинск на два дня. В саквояже находились бельё, документы и подарок матери — голубая чашка, которую она попросила купить у знакомого торговца. Мать проводила лето за городом; Михаил обещал заехать после приёмки судна и отвезти покупку сам. Теперь чашка была единственным предметом, напоминавшим ему о первоначальном плане. Он поднял её из-под воротничков, проверил, не треснула ли, и вдруг почувствовал нелепый стыд: он жил как человек, которому есть куда вернуться и которого там ждут с небольшой красивой вещью. Вчерашние люди на берегу такой уверенностью не обладали.

Телеграфную квитанцию он оставил под часами. Ответ отца ещё не принесли. Михаил перечитал собственную копию: «Для устройства расчётов допускаю переход Ярославль. Нахожусь лично на борту. О дальнейших действиях донесу». Слова «донесу» он всегда избегал в письмах отцу; на телеграфе оно пришло само, как печать на казённой бумаге.

Роман Иванович любил ясность. Сам Михаил тоже любил ясность, пока не обнаруживал, что в ней ему отведена роль инструмента. Принять пароход. Рассчитаться. Поставить в затон. Ни одно из этих поручений не было унижительным, но в их аккуратной последовательности отсутствовало место для решения, которое отец не принял заранее.

Он умылся, оделся и вышел в салон. Возле буфетной стойки стояла Ксения с чайником. Бреннер держал над чашками поднос, защищая их от пыли: Поля стряхивала из окна кусок старого бархата.

— Душу уже отдали? — спросил Михаил.

Ксения повернулась к нему без малейшего смущения.

— Это реплика. Мы спорим, смешна ли она.

— Смотря сколько должен сударь.

Бреннер поставил поднос.

— Вот. Я то же самое говорю. Человек думает о процентах, когда боится потерять душу.

В этом характер.

— Человек думает о завтраке, — сказала Поля. — Остальное вы придумали после.

Она спустила бархат вниз за борт. Капитан, проходивший по палубе, остановился.

— Это что?

— Сушится.

— Снять.

— Он сырой.

— Когда колесо возьмёт, станет ещё и короткий.

Поля втянула ткань обратно. На полу сразу выступило тёмное мокрое пятно. Ксения отступила от него, подняв подол.

— Нам где-то надо жить, Осип Лукич.

— Живите. Колесу не мешайте.

Михаил ожидал продолжения спора. Ксения посмотрела на окно, потом на капитана и закрыла раму. Он отметил это почти с благодарностью. С самого утра ему казалось, что придётся каждые десять минут выбирать между речниками и актёрами.

Команда завтракала отдельно. Буфетчица, которую звали Марфой Денисовной, принесла артистам кипяток и сказала, что чай у них должен быть собственный. От Силантьева осталось полпачки плохого; Ксения высыпала его на бумагу, поделила на глаз и сразу убрала половину в сумку. Михаил предложил прислать со своей полки хороший байховый.

— Запишите, — сказала она.

— Одну заварку?

— Начнём с одной.

Бреннер посмотрел на них поверх чашки. Михаил почувствовал себя мальчиком, пытавшимся накормить с ладони дикого зверька. Он принёс чай и поставил без комментариев. Чай оказался полезнее его благородства: с ним даже оставшийся от вчерашнего хлеб стал похож на утро, в котором можно было выбирать занятия.

К девяти часам передали ответ отца. Роман Иванович допускал переход, требовал полного расчёта с командой и запрещал новые обязательства без согласования. Последнюю строчку Михаил прочёл дважды, хотя ничего двусмысленного в ней не было.

Капитан спросил:

— Так идём?

Михаил кивнул.

— До Ярославля идём.

Приготовление заняли ещё час. С берега принесли деньги по предъявленному Михаилом распоряжению; их выдали речникам под расписки. Он не спрятался в каюте, пока считали. Артисты сидели у борта и старались смотреть на воду. Бреннеру это удавалось лучше других. Когда Трошин, получив причитавшееся, попросил отправить его жене перевод из Ярославля, Ксения внезапно ушла в салон.

Михаил нашёл её над раскрытым сундуком.

— Я объяснил вчера, — начал он.

— Я помню.

— Это деньги торгового дома.

— Я помню, Михаил Романович.

Она перебирала платья с такой скоростью, что он понял: сейчас лучше уйти. Но на выходе всё-таки сказал, что новая работа команды оплачивается независимо от театральной выручки, а расходы труппы не станут вычитать из жалованья речников. Ксения перестала перебирать ткань.

— Вы решили, будто я на это рассчитываю?

— Я решил, что надо сказать вслух.

Она посмотрела на него, и Михаилу показалось, что его ответ ей понравился. В следующий миг она вытащила из сундука мужской сюртук и протянула ему.

— Тогда скажите вслух, это ваше?

— Нет.

— Прекрасно. Значит, ещё одна вещь Силантьева, которую он забыл.

На обшлагах были нашиты шёлковые петли. Михаил, не удержавшись, провёл пальцем по одной.

— В таком нельзя заниматься делом.

— В нём занимались только делом. Отсюда наши обстоятельства.

* * *

С отходом произошло нечто, чего Михаил не предусмотрел: все сразу повеселели.

Накануне судно казалось складом несчастий. Теперь матросы убрали трап, капитан подал команду, в глубине корпуса отозвалась машина — и одни лишь эти действия придали буду-

щему убедительность. Ксения стояла у борта рядом с Фаней. Поля несла к носу корзину белья, забыв, что ещё вчера ненавидела всё водное пространство. Бреннер махал неизвестному человеку на пристани. Тот, после секундного сомнения, стал махать в ответ.

— Знакомый? — спросил Михаил.

— Нет. Но нельзя же отплывать, когда никто не провожает.

Город медленно развернулся. Большие суда у пристаней заслонили часть берега, потом открылась полоса домов, дворы, крыши. Колесо ударяло в воду, и в его движении слышался одинаковый, неумолимый труд. Михаил бывал на «Верности» в детстве, но помнил преимущественно обеденный стол и запрет бегать. Сейчас он смотрел на людей, занятых каждый своим, и ощущал себя единственным, кто здесь ещё не заслужил места.

Он спустился к машине. Трошин стоял у перил, проверяя что-то по звуку. Михаил не спросил что: отец любил задавать такой вопрос работникам, а потом поправлять их ответ. Сам он мог бы лишь повторить услышанные названия.

— Расход запишете к вечеру? — сказал он.

— Запишу.

— Топлива до Ярославля достаточно?

— С нашей стоянкой и оговорённым ходом — достаточно. Куда ещё решите свернуть, сперва спросите.

— Я пока никуда не решаю.

— Это хорошо.

Трошин сказал без насмешки, но Михаил всё равно ощутил себя недоучившимся. Он задержался у ограждения. Жар шёл от металла, пахло маслом и тяжёлым топливом; в промежутках между шумом машины слышались короткие человеческие слова. Рядом, за перегородкой, кочегар проверял подачу нефтяного топлива. Ни у одного из этих людей не было повода любоваться рекой.

— А прежде на дровах ходили? — спросил Михаил.

Трошин посмотрел на него с новым интересом.

— Я застал переделку. Давно. Вам лет двенадцать было.

— Мне пятнадцать было, когда отец купил судно.

— Переделали до вашего отца.

Михаил кивнул. Оказалось, у «Верности» имелась жизнь до их фамилии. Он это, конечно, знал, но знание долго оставалось пустым.

С палубы раздался грохот. Трошин поднял голову и выругался. Михаил побежал вверх, ожидая увидеть упавший сундук. Сундук стоял на месте. На боку лежала колонна из вчерашнего гостиничного ящика; Ксения и Бреннер пытались удержать длинную раму, в которой зиял дверной проём.

— Нам нужно понять, влезет ли, — объяснила она.

— Что влезет?

— Сцена.

Михаил посмотрел на проход, наполовину перекрытый рамой, и понял, почему капитан вчера потребовал отдельное условие.

— Здесь ходят люди.

— Во время спектакля не будут.

— Во время спектакля они тоже будут живые.

Осип Лукич появился прежде, чем она ответила. Он приказал снять раму и освободить проход. Ксения начала объяснять, что пока лишь примеряет, но капитан дождался, пока она закончит, и повторил приказ теми же словами. Тогда Бреннер отпустил край, подхватил снизу и понёс обратно. Без его рук спор потерял всякую практическую опору.

Ксения осталась с колонной.

— Вы хоть покажите, где можно.

— На берегу, — сказал капитан.

— На берегу не всегда дадут место.

— Тогда не всегда сыграете.

Он ушёл. Михаил ожидал, что гнев обрушится на него. Ксения молча поставила колонну в угол и достала мерную ленту, висевшую у Поля на шее.

— Держите, — сказала она ему.

— Зачем?

— У вас две руки, и обе пока свободны.

Он взял конец. Она промерила ширину салона, расстояние до двери, свободный кусок кормовой палубы. Михаил записывал цифры на обороте конверта. Теперь они работали без обещаний, что всё непременно получится; от этого дело стало легче. Вместо большого помоста можно было освободить небольшой участок, оставив проход, но разместить там сколько-нибудь многочисленную публику не удавалось. Для первых спектаклей требовался берег.

— А на ходу вы собирались выступать? — спросил он.

— Вчера мне казалось, мы сможем всё.

— А сегодня?

— Сегодня я ещё не обедала.

Он засмеялся. Она, кажется, простила ему замечание о живых зрителях.

* * *

К обеду выяснилось, что у труппы нет общего мнения даже о картошке.

Марфа Денисовна соглашалась кормить их просто и за определённую плату. Ксения предложила одну кастрюлю на всех. Зинаида Павловна сообщила, что не переносит репчатого лука; Фаня не ела сало перед пением; Юлий сказал, что умеет прожить на чае, если не придётся опять давать уроки портновской дочери. Поля поинтересовалась, можно ли вместо всех этих разговоров попросить добавки.

Михаил сидел за отдельным маленьким столом у окна. Для него Марфа принесла холодное мясо, огурцы и собственную скатерть судовладельца. Скромное преимущество показалось ему неприлично крупным. Он предложил общий стол.

— Вы ещё недельку подумайте, — посоветовала буфетчица. — Потом позовёте.

Ксения заметила мясо, но не сказала ни слова. Михаилу захотелось, чтобы сказала: возражение позволило бы ему совершить красивый жест. Он доел один, принёс в салон чай и чашки и предложил заняться расчётами.

Зинаида Павловна извлекла собственную тетрадь. На первой странице стояло: «Задолженность мне». Бреннер заглянул через плечо.

— Далеко рассчитано. До последней страницы.

— Вам, Аркадий Фомич, я тоже одолжила.

— Именно поэтому восхищаюсь.

Ксения выложила на стол серьги. На этот раз без церемонии.

— В Ярославле продам. Раньше, если потребуется. Но это будет мой взнос в поездку, не общая милостыня. При первом свободном сборе мне его возвращают.

Поля подняла голову.

— Тогда мой труд по переделкам тоже запишите. Я за июль бесплатно не шью.

— Разумеется, — ответила Ксения слишком быстро.

— Вчера вы сказали: «Нам всем нужно потерпеть».

Ксения замолчала. Михаил открыл тетрадь и вывел имя Поли в новой строке. Зинаида Павловна просмотрела его запись, кивнула и подвинула свою тетрадь ближе, чтобы не забыли о ней.

Договорились не делить сбор сразу. Сначала оплачивали место, освещение, афиши, дорогу и стол; остаток раскладывали по долям, отдельно записывая текущий труд и прежние личные ссуды. Старое жалованье Силантьева в эти деньги не превращалось. Ксения не смогла обещать, что его когда-нибудь получают, и произнесла это вслух. Фаня опустила глаза. Бреннер попросил только, чтобы при первом возможном расчёте ему выдали хоть что-то на перевод жене.

— Она думает, мы уже в Костроме, — сказал он.

— Почему?

— Потому что из Костромы я обещал выслать. Рыбинск у неё уже кончился.

На этот раз никто не засмеялся, и он поспешил закрыть тему, предложив продать в Ярославле Силантьеву шляпу. Шляпа тоже осталась. Ксения вспомнила жёлтые сапоги, представив не ловкого беглеца, а человека, который, должно быть, так испугался, что не успел правильно одеться. Жалость не сделала его поступок лучше.

К вечеру труппа репетировала в салоне. Михаил намеревался уйти, но Ксения попросила прочесть реплики отсутствующего Гоши. Он объяснил, что никогда не играл.

— И не надо. Читайте, что написано. Нам нужно услышать промежутки.

Он прочёл первую фразу. Бреннер ответил. Михаил продолжил и слишком рано перевернул страницу. Ксения остановила.

— Здесь ещё моя реплика.

— Вы молчали.

— Я и должна была молчать. Пока не решу соврать.

Он посмотрел в текст. Молчания там не было.

— В пьесе этого не написано.

— В пьесе вообще половины нет.

Его это неожиданно захватило. Дома о театре говорили преимущественно как о приятном вечере или сомнительном занятии; здесь же люди могли пятнадцать минут выяснять, когда женщина решает соврать человеку, которому обязана денег. Ксения несколько раз прошла от окна к стулу. На третьем проходе Михаил понял, что видит уже другую женщину: она будто несла с собой чужое, ещё не произнесённое признание. Красота её не изменилась; изменилось значение каждого движения.

— Теперь, — сказала Зинаида Павловна.

— Рано, — возразила Ксения.

— Теперь. Иначе он успеет подумать.

Она показала сама. Подошла к стулу, положила руку на спинку, взглянула на Бреннера — и вдруг стала моложе, но не той натужной молодостью, которую Михаил привык замечать в театре. Её героиня просто очень хотела быть любимой и полагала, что ещё имеет на это право.

Ксения повторила. На этот раз неудачно.

— Вы мой взгляд взяли, — сказала Зинаида. — Вам он не нужен. У вас глаза другие.

В салоне стало душно. Михаил держал книгу и боялся шевельнуться. Он уже не чувствовал, что одалживает им время; скорее ему позволили присутствовать при занятии, ради которого остальные могли не замечать ни его фамилии, ни его денег.

Ксения наконец рассердилась.

— Продолжим завтра.

— Завтра у нас берег, — напомнил Бреннер.

— Значит, вечером.

Она забрала у Михаила пьесу, поблагодарила с преувеличенной вежливостью и ушла. Зинаида Павловна смотрела ей вслед без торжества.

— Очень хочет, — сказала она тихо.

— Чего?

— Чтобы получилось сразу. Когда девочке двадцать, ей кажется, впереди всё. Когда тридцать подходит, каждую неудачную репетицию начинают вычитывать из остатка.

Михаил не спросил, из какого остатка вычитала сама Зинаида. Она поправила манжеты, положила книгу на место и отправилась наверх, где уже подавали вечерний чай.

* * *

На закате «Верность» уже стояла неподалёку от Романова-Борисоглебска. К городской пристани договорились подойти утром, после ухода грузового судна. Капитан не собирался ради нетерпения артистов искать в темноте другое место для высадки. Шум машины затих; в этой тишине пароход стал похож на дом, с которого сняли уверенный внешний голос.

Михаил вышел под навес. Ксения сидела на сложенной декорации. В руках она держала туфлю и пришивала ленту крупными, некрасивыми стежками. Поля, должно быть, отказалась работать при плохом свете или наконец уснула.

— Вы меня боитесь? — спросила Ксения.

Он остановился.

— Почему я должен вас бояться?

— Вы уже третий раз собираетесь пройти мимо и всякий раз куда-то сворачиваете.

— Не хотел мешать.

— Здесь нечему мешать. Я шью дурно.

Он сел на соседний ящик. Туфля была затёрта по сгибу, лента заметно свежее кожи.

— В Ярославле купите новые.

— На какие деньги?

— После спектакля.

— Вы быстро учитесь у Силантьева.

Он уже пожалел о разговоре, но она подняла глаза и смягчила голос:

— Простите. Я сегодня всем отвечаю, как будто они лично виноваты, что у меня лопнула лента.

На берегу едва различались деревья. Вода у борта тихо шевелилась, и от неё поднималась прохлада. Михаил предложил принести лампу ближе. Ксения сказала, что огонь у бархата капитану не понравится, и убрала шитьё.

— Вы всегда играли? — спросил он.

— Сначала мне запрещали. Потом позволили иногда. Потом оказалось, что дома я только жду следующего спектакля. А вы всегда занимались пароходами?

— Торговым домом.

— Да, разница есть. Пароходы хотя бы движутся.

Он хотел возразить, но представил кабинет отца, стол с зелёной кожей и собственное кресло напротив. Кресло было удобное; всё детство Михаил мечтал дорасти до него. Теперь ему иногда казалось, что он вырос в точности по его размерам и больше не сможет измениться.

— Я занимался тем, для чего меня готовили, — сказал он.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Ксения не стала утешать. Она глядела на воду, поджав под себя одну ногу. Без туфли казалась ниже, меньше и упрямее, чем днём.

— В Нижнем будет человек от Вольского, — сказала она после паузы. — Он смотрит провинциальные труппы. Не для императорской сцены, не пугайтесь. Частный театр. Я писала туда зимой. Мне ответили, чтобы пробовала попасть на просмотр летом.

— Силантьев знал?

— Конечно. Он всё устраивал. По его словам.

— Значит, вы затеяли поездку из-за этого.

Она повернулась к нему.

— В том числе. А вы думали, я только о товарищах забочусь?

Ему стало неловко оттого, что именно это было удобнее думать. Он мог великодушно помочь самоотверженной женщине; с честолюбивой приходилось договариваться.

— Вы хорошо играете, — сказал он.

— Сегодня?

— Некоторые минуты.

Ксения засмеялась. Смех на этот раз был совсем не похож на вчерашний.

— Вот за это спасибо. «Некоторые минуты» — уже почти отзыв честного человека.

Михаил хотел сказать, что запомнил, как она подошла к стулу. Но она уже поднялась, взяла туфлю и пожелала ему спокойной ночи. Разговор кончился именно тогда, когда он начал выбирать слова не по обязанности.

Утром, подойдя к пристани Романова-Борисоглебска, они узнали, что сад, где Силантьев обещал им выступление, отдан приезжему синемаатографу. Хозяин сада передал через мальчика: с артистами он ни о чём не договаривался, никакого Силантьева не знает и свободен будет только в понедельник.

Ксения выслушала сообщение, спросила, кто именно дал мальчику медную монету за поручение, и посмотрела на белое здание над берегом.

— Понедельника у нас нет, — сказала она.

Михаил поправил шляпу. Ему хотелось узнать, что она сделает дальше.

Глава 3. Без занавеса

В саду пахло мокрой землёй и свежим клеем. Под навесом двое рабочих прибавали полотнище, а хозяин, человек с необыкновенно чистыми ногтями, держал коробку гвоздей и командовал так громко, словно сам от этого уставал.

Ксения показала письмо. Хозяин посмотрел на подпись Силантьева, затем на собственный адрес на конверте.

— Мне писали. Я не ответил.

— Он сказал, что вы согласились.

— Он много чего сказал. А эти заплатили вперёд.

Один из рабочих развернул афишу с погоней за автомобилем. Убегавший господин был нарисован так выразительно, что Ксения на мгновение позавидовала: ему не требовалось ни жалованья, ни обеда, ни офицера вместо Гоши. Он мог бежать столько, сколько хозяин сада находил выгодным.

Михаил стоял в стороне. Он сопровождал её молча, и это молчание понемногу становилось укором, хотя не было сказано ничего дурного.

— Мы можем играть днём, — предложила Ксения.

Хозяин удивился.

— Кому?

— Публике.

— Моя публика днём работает. Ваша, может, другая.

Он сказал без злобы, и Ксении пришлось признать, что здесь перед ней ещё одно препятствие, которому бесполезно возражать голосом. Она поблагодарила и ушла. За воротами остановилась, будто собиралась проверить застёжку перчатки.

— Вы можете сказать, — разрешила она Михаилу.

— Что?

— Что предупреждали.

— Я предупреждал о расходах. О саде ничего не знал.

От его точности стало немного легче. Ксения натянула перчатку, хотя в жару кожа прилипла к пальцам, и спросила, много ли времени они могут провести на берегу. Михаил ответил, что время пока стоит меньше, чем топливо, но капитану нужно сообщить решение до вечера.

— Значит, до вечера найдём зал.

Они пошли по улице, где деревянные тротуары то кончались, то начинались снова у заботливого хозяина. Ксения заглядывала в открытые двери, читала вывески, спрашивала о помещениях для собраний. Ей отвечали обстоятельно и без всякой пользы. В одном доме имелась большая комната, но стояли бочки. В другом жилой зал можно было освободить, если вынести престарелую тётушку, а тётушка отказывалась. В трактире сначала назвали цену, словно сдавали помещение на свадьбу купеческой дочери, затем снизили втрое, услышав, что платить будут из сбора.

Трактирщик Захар Семёнович Пестов выслушал их, стоя у лестницы. Он держал под мышкой кошку, которую собирался вынести из кухни, но по ходу разговора забыл зачем. Кошка постепенно перестала сопротивляться и повисла с выражением человека, привыкшего к неудобной службе.

— Зал наверху, — сказал Пестов. — Скамьи есть. Инструмента нет. Курить будут.

— Не будут, — ответила Ксения.

— Тогда не придут.

Михаил кашлянул. Ксения спросила, сколько места и куда выходят окна.

Зал оказался длинным, с тремя окнами на улицу. Потолок был низок, зато в дальнем конце имелась настоящая дверь. Ксения открыла её: за ней стояли пустые ящики и небольшой стол. Бреннер мог прятаться там вполне убедительно. В соседнем углу помещалась узкая коморка для переодевания. Она уже начала мысленно расставлять актёров, когда Михаил дотронулся до подоконника и показал пальцы: на них осталась жирная копоть.

— К вечеру помыть успеют? — спросил он хозяина.

— А вы за мытьё заплатите?

Ксения успела бы ответить резко, но кошка вдруг вывернулась из-под руки и прыгнула на ближайшую скамью. Пестов посмотрел на пустую руку с таким удивлением, что она засмеялась. Смех помог торговаться лучше раздражения.

Договорились о небольшой твёрдой плате и доле со сбора. Столы убирал хозяин, уборку брала на себя труппа. Для местного разрешения на представление Пестов обещал сопроводить Ксению туда, где обычно согласовывал свои музыкальные вечера; текст водевиля следовало принести вместе с афишей. Он не гарантировал разрешения, и Ксения была благодарна за это слово «не». В нём по крайней мере не пряталось чужого обещания.

К двум часам разрешение на вечер было получено, листки заказаны, а у Ксении осталось ощущение, будто она весь день произносит собственную фамилию людям, которым та ничего не значит. Во всех бумагах следовало написать, кто отвечает за труппу. В конце концов она перестала оглядываться на Михаила и написала себя.

— Мы ещё не придумали название, — заметил он.

— Я пока не придумала, что дать им на ужин. Название подождёт.

На «Верности» сообщение встретили без восторга. Юлий хотел знать, как он будет играть без инструмента. Зинаида Павловна спросила, имеется ли уборная для артисток. Бреннер поинтересовался, кому из них достанется котлетная публика. Только Поля, посмотрев на грязь на Ксениных пальцах, взяла тряпку и сказала, что столы не надо мыть горячей водой: старый жир начнёт пахнуть сильнее.

* * *

Первый зритель пришёл прежде, чем закончили уборку.

Это был мальчик лет двенадцати с корзиной мелкой рыбы. Он увидел, как Бреннер вносит колонну, и решил, что показывать будут силачей. Ксения объяснила, что вечером состоится спектакль.

— А колонну кто поднимет?

— Никто. Она стоит.

Мальчик поскрёб её ногтем.

— Тогда зачем?

Бреннер поставил колонну у стены.

— Чтобы ты понял, как мы богаты.

— Так она бумажная.

— Поэтому и богатые: на настоящую не истратились.

Мальчик засмеялся и остался помогать. Звали его Алёшей, рыбу он уже продал, но корзину ещё не вернул дяде. Он знал, где можно взять второй фонарь, кому сказать о вечернем представлении и какой мальчишка в округе лучше всех умеет перекрикивать базар. Ксения заплатила ему за разнос листов, не обещая бесплатного прохода всей приятельской ватаге.

— Одно место твоё, — сказала она. — Только чистую корзину оставишь внизу.

Алёша воспринял условие серьёзно. За полчаса до начала появился у двери с вымытыми руками и привёл дядю, который торговался за билет так долго, что мальчик отошёл от него подальше.

Вместо пианино Юлий принёс скрипку, взятую у помощника капитана. Он умел играть на ней хуже, чем на клавишах, и считал необходимым предупредить каждого встречного. Фаня уверяла, что её песенка потерпит любой инструмент, если не заставлять его изображать оркестр. Ксения согласилась сократить музыкальные переходы. Они держались знакомого текста: на переделку водевиля у них не было ни времени, ни разрешения. Отсутствующего офицера заменили Бреннером, который получил вторую роль и ужаснулся предстоящей смене усов.

Главная трудность заключалась в занавесе. Его полотно осталось на «Верности» сырым после вчерашней чистки. Поля предложила обойтись без него и расставить скамьи так, чтобы зрители видели только дальнюю часть зала. Ксения сначала возразила: появление героини без занавеса лишалось подготовленного эффекта. Потом посмотрела на улицу, где два человека уже читали афишу, и согласилась.

Без занавеса приходилось начинать прямо на глазах у тех, кто ещё жевал, искал место и спрашивал, когда будет музыка. Невозможно было спрятать одну жизнь, пока на сцене появляется другая. Ксения стояла за дверью в коморке и слушала зал. Там скрипели скамьи, шаркали сапоги; кто-то смеялся особенно громко, демонстрируя готовность получить удовольствие на уплаченные деньги.

— Много? — спросила она у Поли.

— Пока не очень.

— Сколько?

— Я не касса, Ксения Максимовна. Я пуговицу держу.

Пуговица на Ксенином вороте никак не застёгивалась. Поля попросила её перестать дышать на одно мгновение, справилась и опустила на корточки, чтобы расправить подол. Ксения вдруг увидела затылок Поли: волосы были кое-как заколоты, под ними краснела натёртая шея. Та с утра не садилась.

— После спектакля вы первая ужинаете, — сказала Ксения.

— Я бы предпочла до.

— Я тоже.

Поля подняла глаза и улыбнулась. Это было их первое примирение после прожжённого рукава.

Михаил стоял у входа с билетом в руке. Ксения велела ему взять место как обычному зрителю; он заплатил, хотя считал это пустой перекладкой собственных денег из кармана в общий счёт. Пестов посадил его во втором ряду, рядом с женщиной, от которой сильно пахло тёплым молоком. Позади уселись двое приказчиков. Один заметил, что актрисы на афише красивее, чем в жизни. Михаил повернулся, но женщина с молочным запахом уже сказала:

— А вы-то на какой афише?

Приказчики притихли. Михаил сел ровнее.

* * *

Первые десять минут шли скверно.

Бреннер вошёл в образе человека, притворявшегося богачом, и слишком старательно показал обман. Публика поняла шутку раньше, чем ей позволили смеяться. Зинаида Павловна подхватила сцену, но её первая реплика утонула в хлопнувшей входной двери. Затем опоздавший зритель стал перешагивать через лавку, задел соседу колено, и спор в третьем ряду оказался интереснее происходившего у нарисованной колонны.

Ксения слышала всё из коморки. Ей хотелось выйти раньше, забрать себе внимание, заставить зал замолчать. Но ранний выход ломал действие. Она сжимала край платья и ждала своей очереди.

Когда наконец вышла, то увидела перед собой людей, которым не было никакого дела до её июньского жалования и желания понравиться Вольскому. Они пришли провести вечер. Некоторые уже жалели об этом. Алёша сидел у стены и глядел на колонну, ожидая, видимо, что её всё-таки поднимут.

Ксения произнесла первую фразу слишком красиво. Она сама услышала в голосе ту ясную отделку, которой пользуются, когда не уверены в прочности вещи. В зале закашляли. Юлий поймал её взгляд и отвёл глаза.

Тогда Бреннер ошибся. Вместо обращения «сударыня» назвал её по имени своей жены — Елизаветой. Имени этого в пьесе не было. Ксения замерла на долю секунды, но он уже запутался ещё сильнее, пытаясь вернуть фразу в нужное русло.

Она подошла к нему, взяла из рук шляпу и произнесла предусмотренную дальше реплику так тихо, что передним рядам пришлось наклониться:

— Вы обещали представить мне человека, который никогда не лжёт. Начнём с того, что он существует?

Слова были прежние. Исчезла отделка. Она спрашивала человека, которому только что стало трудно, и зал это понял. Кто-то коротко хмыкнул. Бреннер удержал её взгляд, нашёл следующую реплику — и вдруг перестал спасать себя отдельно от пьесы.

Действие пошло. Зинаида Павловна дождалась нужной паузы и вышла из-за колонны, о существовании которой зрители успели забыть. Смех раздался сильный, почти обидный: публика радовалась, что её наконец провели. Ксения почувствовала его грудью. После утреннего унижения этот простой шум был опасно похож на оправдание всего, что она затеяла.

В антракте она не стала смотреть кассу. Сидела на ящике и слушала, как Поля меняет Бреннеру усы. Из зала пришёл Пестов.

— Можно ещё троих пустить? Они на лестнице стоят.

— Есть места?

— Присядут на подоконник.

Ксения уже хотела согласиться, но вспомнила утренние жирные рамы и низкую лестницу.

— Принесите скамью. Проход оставьте.

Пестов прикинул выгоду и принёс. Ксения подождала, пока рассадят новых зрителей, затем велела Юлию начинать.

Фанина песенка прозвучала хорошо. Юлий перестал стыдиться чужой скрипки и играл просто, давая ей пространство. Двое приказчиков, которым актрисы сначала не понравились, теперь требовали повторения. Фаня улыбнулась, но Ксения за кулисой качнула головой: вечер нельзя было растянуть бесконечно. Молодая актриса увидела этот жест, допела и ушла с таким видом, будто отказала залу по собственной воле.

Во втором действии Михаил перестал наблюдать за труппой как за рискованным предприятием. Он смеялся вместе со всеми, а однажды пропустил реплику, потому что смотрел на руку Ксении, лежавшую на столе. За предыдущий день эта рука считала медь, держала дверную раму и пришивала ленту. Теперь она казалась рукой женщины, которая никогда не делала ничего тяжёлого. Он не мог понять, как достигается такая перемена без всякого обмана формы.

Финал прошёл неровно: смена усов всё же запоздала, и Бреннер явился с одним краем, торчащим вбок. Но публика приняла это за часть замысла. Ксения поклонилась, увидела во втором ряду Михаила и тут же отвела взгляд. Ей хотелось сохранить этот вечер вне их расчёта хотя бы до конца аплодисментов.

* * *

Деньги считали за кухней, где рядом остывал гороховый суп.

Сбор оказался меньше ожидаемого и больше того, на что можно было рассчитывать утром. После платы за зал, листки, разрешённые расходы по вечеру и мелкие услуги осталось двадцать три рубля с небольшим. Пестов пытался добавить плату за лишнюю скамью. Михаил посмотрел на него с таким спокойствием, что тот тут же объявил скамью своим подарком искусству.

Ксения обрадовалась остатку раньше, чем вспомнила о «Верности». Михаил положил рядом листок: стоянка, текущие расходы пути, харчи. Цифры не отрицали успеха, но умели его уменьшить.

— На всё не хватает, — сказала она.

— На всё — нет. На первый день стало хватать больше.

Она подняла глаза. Вчера он говорил так, чтобы прекратить предприятие; сегодня будто пробовал понять, как оно может продолжаться.

Бреннер получил два рубля в счёт своей доли. Долго смотрел на них, потом попросил лист бумаги. Пока остальные ужинали, он писал жене. Начал с «Мы благополучно», зачеркнул, попробовал «Дорогая Лиза» и после этого писал уже быстро.

Ксения заглянула к нему не нарочно, проходя мимо, и увидела одну фразу: «Сегодня смеялись как следует». Ей стало тепло и стыдно. Она весь день думала, чем заменить Гошу, где взять деньги и как добраться до человека Вольского, а Бреннер, может быть, терпел всё это ещё и ради таких вечеров.

Поля ела первой, как ей обещали. Фаня спорила с Юлием, что во втором куплете он поторопился. Зинаида Павловна сидела прямо, хотя устала сильнее всех; перед ней лежали сложенные перчатки, вытертые на кончиках пальцев. Ксения принесла ей стакан чаю.

— Вы спасли выход из-за колонны.

— Он не нуждался в спасении. Вы слишком быстро к нему подошли.

Ксения уже приготовилась защищаться, но Зинаида добавила:

— После вашей тихой реплики нельзя было сразу давать следующее. Они хотели посмотреть, что вы с ним сделаете.

— Я поняла.

— Вот и хорошо. Завтра можно сыграть лучше.

Это «завтра» прозвучало неожиданно. Утром Ксения продавала им возможность уехать. Теперь у них появился не только путь, но и следующий спектакль, который кто-то уже хотел сыграть.

До парохода шли в темноте. Декорации погрузили на нанятую подводку; Пестов помог затянуть верёвки и попросил написать ему заранее, если будут возвращаться. Алёша проводил их до берега. Он нес пустую корзину и всё время молчал, пока Ксения не спросила, понравилось ли.

— Дядя говорит, вы хорошо врёте, — ответил он.

— А ты?

Мальчик подумал.

— Вы когда к нему подошли, я решил, сейчас уйдёте. А вы остались. Я обрадовался.

Ксения хотела объяснить, что по пьесе уйти она не могла. Вместо этого поблагодарила. Иногда зритель видел работу, которой она сама ещё не умела дать название.

У трапа их ждал капитан. Он спросил, когда отправляться. Ксения сказала: утром, как договорились. В местном саду им предлагали сыграть через два дня между сеансами синема-тографа, но цена ожидания стала теперь понятнее. Одного удачного вечера было недостаточно, чтобы задерживать всех ради второго.

Михаил помог снять с подводки дверь. Ксения держала другой край. Они двигались медленно, стараясь не задеть поручни. Посреди трапа он остановился.

— Рука не устала?

— Устала. Только теперь не говорите, что женщинам не следует носить двери.

— Я хотел предложить поставить на минуту.

— Тогда ставим.

Они опустили раму, придерживая её с двух сторон. С воды тянуло холодом. Из салона доносился негромкий голос Фани: она опять пробовала неудавшееся место песенки. Ксения смотрела сквозь пустой дверной проём на тёмный берег и вдруг рассмеялась.

— Что?

— У нас хотя бы одна дверь есть, Михаил Романович. Войти можно куда угодно.

Он не ответил, только улыбнулся, и она была благодарна, что он не испортил её глупость разумным уточнением. Они подняли раму и внесли на палубу.

Утром перед отходом Ксения записала под расходами короткую строчку: «Играли. Остались вместе». Потом подумала и перечеркнула её. Счёт следовало вести так, чтобы Михаил мог проверить. Но листок вырывать не стала.

Глава 4. До двенадцатого августа

В Ярославле Михаил снял комнату в гостинице и весь первый день туда не попал.

Сначала нужно было получить письма, затем зайти к отцовскому поверенному, после этого выяснилось, что топливный поставщик не желает принимать обещания сына вместо наличных. К трем часам Михаил почувствовал себя человеком, которого послали из одной двери в другую за предметом, нигде не существовавшим. Предмет назывался дальнейшим согласием Романа Ивановича.

Ксения тем временем искала зал. Они сошли на берег вместе шестого июля, а потом разошлись каждый за своим, условившись встретиться к ужину. К ужину она вернулась с грязью на подоле и двумя возможностями: небольшое представление послезавтра и сад через пять дней. Михаил располагал письмом отца, которое лишало значения обе.

Он не стал читать его при всех. Пригласил Ксению в салон, убрал со стола чьи-то ножницы и положил лист перед ней.

Отец не возражал против артистов как явления. Он не желал, чтобы они стали расходной статьёй. Пароход следовало привести в порядок, показать покупателю и передать в Нижнем двенадцатого августа. Если Михаил хотел за это время нанять судно на иных условиях, требовалось представить цену, ответственность за повреждения и источники оплаты. Последняя строка была написана без всякого гнева: «Ты вправе расположить своими средствами, но не именовать их средствами дома».

Ксения прочла до конца.

— Он вам разрешает.

— Он мне предлагает купить собственное безрассудство.

— Это похоже на разрешение.

Михаил вдруг пожалел, что показал ей письмо целиком. Последняя строка принадлежала не деловому, а семейному языку, которым он не собирался делиться.

— Мне не принадлежит торговый дом, Ксения Максимовна. И пароход тоже.

— Вы мне этого ещё ни разу не сказали.

— Я думал, понятно.

Она аккуратно сложила лист. За окном матрос разговаривал с человеком на пристани; время от времени слышался смех. Ксения смотрела на этот светлый прямоугольник и молчала.

— Я могу дать три дня, — сказал Михаил. — Как обещал. Потом вы решите, что делать.

— Нет, решать придётся сейчас. Если брать сад, нужно печатать. Если не брать, люди начнут устраиваться поодиночке. Фаня уже ходила к местному антрепренёру.

— Возможно, это разумно.

— Возможно. Только разумное всё время случается с нами по частям. Один устроится, другой одолжит, третьего возьмут на лето. А спектакль никто не возьмёт. Он один не ходит.

Она произнесла это с раздражением, но не на Михаила. Он вспомнил, как они несли дверь по трапу, и ощутил соблазн: сейчас можно пообещать всё необходимое, увидеть её радость и на несколько дней стать человеком, которым легко восхищаться.

Вместо этого достал чистый лист.

— Посчитаем. До Нижнего, с остановками. Только без полного сбора на каждом спектакле.

— Я уже так не считаю.

Работали до темноты. Капитан пришёл со своей сметой и сразу сократил одно из предположений Михаила: вернуться вверх по реке на той же плате и за то же время не удастся. Трошин отдельно сказал о топливе и запасе на плохую погоду. Марфа принесла расчёт стола на

людей, число которых сперва никто не записал точно. Выяснилось, что в театральные мечты легко пропадали не только расходы, но и сами едоки.

Ксения вычеркнула два предполагавшихся представления, потому что не успевали бы ни развезти листки, ни согласовать место. Михаил добавил резерв на неудачный вечер. После этого деньги закончились на бумаге задолго до конца маршрута.

— Вы можете выйти раньше, — предложил он.

— И снова снять комнаты, кормить людей, перевозить вещи. Берег не бесплатный.

В этом она была права. Он уже замечал, как его собственные разумные предложения часто перемещали трудность туда, где ему не приходилось на неё смотреть.

Согласились на разделение. Труппа платила за свои места, стол и театральные расходы, участвовала в расходах пути из сборов. Михаил отвечал перед отцом за оговорённую сумму найма и недостачу в пределах собственных средств. Речникам продолжал платить торговый дом. Судно к назначенному дню должно было оказаться в Нижнем независимо от успеха спектаклей. Деньги Михаила не давали ему права выбирать репертуар; деньги труппы не давали ей права распоряжаться машиной.

— А что даёт вам право? — спросила Ксения, когда капитан ушёл.

— Отказаться, если будем выходить из согласованной суммы.

— Мне нужно узнать об этом раньше, чем вы откажетесь.

— Увидите каждый расчёт.

Она кивнула. Никто не торжествовал. Слишком ясно обозначилось всё, чего нельзя было получить вместе.

На следующий день Михаил отправил подробное предложение отцу. Ответ пришёл вечером седьмого июля: условия принимались, окончательное подтверждение поверенный оформлял на месте. Роман Иванович ещё раз напомнил о двенадцатом августа и велел ничего не прибавлять к надстройке.

Ксения прочла последнее замечание дважды и сказала:

— Он знает артистов лучше, чем я думала.

* * *

В гостиничную комнату Михаил добрался только после этого.

Его чемодан стоял на стуле. На умывальнике ждала холодная вода, окно выходило в тихий двор. Можно было выспаться, утром надеть чистую рубашку и ещё до полудня оказаться на поезде, оставив на пароходе подписанные условия и представителя поверенного. Дело от этого не пострадало бы. Более того, для отца его возвращение стало бы признаком, что сын способен устроить затруднение и не увлечься им.

Михаил разделся, лёг и обнаружил, что тишина мешает уснуть.

На «Верности» кто-нибудь непременно двигал стул, спорил, кашлял, искал потерянный напёрсток. Ксения ходила быстро; её шаг можно было узнать даже за стеной. Теперь никаких шагов не было, и ему пришлось ответить себе на простой вопрос: ради чего он остаётся?

Проверка расходов занимала час в сутки. Забота о судне была делом капитана. Желание доказать отцу самостоятельность объясняло согласие на договор, но не объясняло, почему Михаил запомнил, как Ксения наклонилась к Бреннеру в трактирном зале.

Он перевернулся на бок, потом встал и открыл окно. Из кухни пахло жареным луком. Где-то за стеной мужчина долго и мучительно учил на скрипке четыре такта. Михаил вспомнил Юлия, стыдившегося чужого инструмента, и рассмеялся в темноту. Он уже сравнивал всё с людьми, которых знал меньше недели.

Утром гостиничный половой нашёл его одетым. Михаил попросил отправить вещи на пристань, заплатил за комнату и пошёл покупать бумагу для афиш. Это поручение Ксения

дала ему накануне между двумя другими делами, совершенно не интересуясь, собирается ли он остаться.

У пристани он встретил Фаню. Она шла с небольшим свёртком, в чистых перчатках и с таким сосредоточенным лицом, будто готовилась петь.

— Вы были в театре? — спросил он.

— У антрепренёра. Мне предложили место.

— Хорошее?

— Постоянное на лето. С жильём.

Она сказала это так, словно добавка была важнее всех возможных ролей. Михаил пожелал удачи. Фаня посмотрела на него с облегчением, которого он не ожидал.

— Вы не станете говорить, что я бросаю товарищей?

— Это не моё дело.

— Вот бы всем так казалось.

Он хотел спросить, что сказала Ксения, но Фаня уже поднялась на трап.

В салоне Ксения размечала афишу. Рядом лежали пустой футляр и квитанция: она успела сдать серьги в залог, выбрав срок, до которого надеялась выкупить. Михаил заметил квитанцию, но не стал читать. После ночи в гостинице некоторые вопросы о чужих средствах показались ему менее простыми.

— Я встретил Фаню.

— Знаю.

— Она вправе остаться здесь.

Ксения подняла голову.

— Я ей так и сказала.

— А она услышала другое.

Он произнёс это прежде, чем успел обдумать. Ксения встала. На минуту ему показалось, что сегодня его собственная добровольная поездка закончится значительно раньше Нижнего.

— Вы слышали наш разговор?

— Нет.

— Тогда не пересказывайте его.

Он кивнул и положил бумагу на стол. Она стала перебирать листы, разглаживая углы с лишней аккуратностью. Михаил уже собирался уйти, когда Ксения сказала:

— Я спросила, кто будет петь вместо неё. Вот и всё.

— Понимаю.

— Не надо этого «понимаю». Я не говорила, что она обязана.

Михаил помолчал.

— Вы когда просите, Ксения Максимовна, иногда звучите так, будто человек уже обещал.

Она положила лист. Он приготовился к ссоре, но Ксения села обратно и спросила, не может ли он достать ещё одну кисть для клея.

После полудня Фаня сама сообщила, что до Костромы остаётся. Предложение оказалось хуже, чем ей представилось: требовалось петь каждый вечер в помещении, где столы не убрали и артистке приходилось принимать угощение от публики. Она объяснила это коротко, не оправдываясь. Ксения сказала, что рада, и удержалась от вопроса, надолго ли.

* * *

Ярославский вечер в небольшом зале принёс меньше, чем трактирный. Публика пришла с готовым мнением о приезжих артистах: им полагалось стараться, а местным — решать, достаточно ли. Вежливые аплодисменты оказались тяжелее громкого недовольства. Ксения после поклона шла за кулисы с неподвижным лицом.

Михаил помогал собирать вещи. Теперь он знал, что нельзя класть тяжёлое на бумажные рамы, а туфли Ксении нужно заворачивать отдельно от шляпы Зинаиды. Поля молча приняла помощь и только один раз переделала за ним узел.

На выходе их догнала полная женщина в тёмной шляпе. Она хотела говорить с исполнительницей тётушки. Зинаида Павловна выпрямилась, сразу забыв об усталости.

— Я вас видела пятнадцать лет назад, — сказала женщина. — В Тамбове. Вы тогда играли совсем другое.

— Многое играла.

— Девушку. Так хорошо. Я всю ночь потом плакала.

Зинаида улыбнулась. Михаил стоял рядом с колонной под мышкой и почувствовал неловкость: похвала будто незаметно отодвинула актрису в её прежнюю жизнь.

— А сегодня? — спросила Зинаида.

Женщина удивилась.

— Сегодня вы тоже... Конечно. Очень приятно вспомнить.

Она ушла, довольная встречей. Зинаида взяла свою сумку и долго застёгивала замок. Ксения подошла было к ней, но актриса подняла руку.

— Не надо. Я слышала.

Обратно ехали на подводе молча. Михаил сидел возле извозчика и смотрел, как город расступается перед лошадьё: дома, огни, встречные лица. За его спиной молодые и старые актёры теснились между вещами, которые позволяли им на час казаться совсем другими людьми.

На пароходе их ждал капитан. Он попросил окончательно сообщить дни стоянки: команда не могла каждый вечер узнавать, уходят ли утром. Ксения достала записную книжку и назвала четырнадцатое июля. До этого — садовый спектакль, ещё один согласованный показ и день для сборов. Осип Лукич записал.

— Если вечером решите передумать, утром мне не рассказывайте, — сказал он.

Михаил ожидал, что Ксения возразит. Она только кивнула. Усталость сделала её внимательнее к тому, сколько людей вокруг вынуждены ожидать её решения.

В салоне занялись афишей для сада. Михаил предложил поместить фамилию Ксении крупнее: зрителю легче запомнить одно имя. Она на секунду обрадовалась, и он это увидел. Затем посмотрела на дверь каюты Зинаиды Павловны.

— Сейчас одинаково.

— Но вы играете главную роль.

— Сейчас одинаково, Михаил Романович.

Он послушался, хотя не согласился. Ему казалось, что успех требует ясного центра. Труппа занимала слишком много места не только на судне, но и в каждом её решении.

Когда все разошлись, он остался дорисовывать буквы. Ксения подошла с двумя чашками. Поставила одну рядом и посмотрела на чистый лист, где он пробовал изгиб заглавной буквы.

— Вы умеете.

— Немного.

— Почему раньше не сказали?

Он пожал плечами. Отец терпел его рисунки, пока они помещались на полях. В юности Михаил намеревался учиться серьёзнее, но всё время находилось более полезное занятие. Он не чувствовал себя несостоявшимся художником; скорее человеком, который привык первым обрывать собственное удовольствие, чтобы его не оборвал кто-нибудь другой.

— Дайте кисть, — попросила Ксения.

Он дал. Она попробовала провести линию и сразу испортила её на повороте.

— Медленнее, — сказал он.

— Тогда рука дрожит.

— Потому что вы уже смотрите на конец.

Она подняла на него глаза. Он услышал в собственной фразе больше, чем собирался сказать, и вернулся к бумаге.

За окном погас один из береговых огней. Ксения пила чай маленькими глотками, держа чашку обеими руками. Он провёл ещё одну линию и не торопился заканчивать. До этого вечера Михаил считал пустым временем всё, за что нельзя отчитаться. Теперь пустое время наконец принадлежало ему.

Ксения встала первой.

— Завтра репетируем «Вторую дверь».

— Водевиль?

— Нет. Драму. Я давно хочу её сыграть.

— Зачем менять то, что получается?

Она посмотрела на него, уже стоя у порога.

— Затем, что оно получается, Михаил Романович.

И ушла прежде, чем он нашёл достойный ответ.

Глава 5. Роль для живого человека

«Вторую дверь» Ксения возила с собой третий сезон. За это время обложку дважды подклеили, на полях появились чужие замечания, а на странице сорок восемь осталось круглое пятно от стакана. Пятно приходилось как раз на место, где Лидия должна была решить, уйдёт ли она из дома брата. Ксения знала эти слова наизусть и всё равно всякий раз старалась прочесть их сквозь бумажную мутность.

Силантьев обещал поставить драму осенью. Предыдущей осенью он обещал её к Рождеству, а на Рождество сказал, что публика не желает думать между гусятиной и масленицей. Ксения подождала до Великого поста и потом больше не спрашивала. Теперь спрашивать было не у кого; это оказалось одновременно счастьем и неудобством.

Для сада оставляли водевиль. Новый спектакль готовили на будущее, чтобы было с чем показаться серьёзному театральному человеку. Повезут они его до Нижнего или нет, зависело от того, сумеют ли играть без дополнительных артистов. В «Двери» было четыре лица. Бреннер должен был стать Павлом, братом Лидии; Фаня — младшей сестрой Верой; Зинаида Павловна — матерью, которая привыкла считать дочернюю жизнь частью собственного домашнего устройства.

На первом чтении, утром девятого июля, никто не спорил. Это было плохим признаком. По-настоящему заинтересованные актёры сразу начинали отстаивать своё время, место и право не быть удобными. Здесь каждый послушно произнёс реплики, словно просил за усердие отпустить пораньше.

Ксения закрыла книгу.

— Что вам не нравится?

Бреннер перевернул страницу назад.

— Мне нравится, что всего четыре человека. Я за нынешний водевиль уже успел составить дважды.

— А остальное?

— Остальное, Ксения Максимовна, нам ещё предстоит узнать.

Фаня призналась, что боится длинной сцены без музыки. Она могла удерживать внимание, когда пела, но между песнями чувствовала себя слишком видимой. Зинаида Павловна посмотрела на Ксению.

— Вы начали с последнего действия.

— Мы прочли первое.

— Я о вас. Вы с первой страницы уже знаете, как будете уходить из этого дома. Поэтому всё время стараетесь показать, что дом вам тесен. А она восемь лет в нём прожила. Может, ей было хорошо.

Ксения почувствовала знакомое сопротивление: Зинаида бралась обсуждать её роль прежде, чем она успела хоть раз сыграть. Но в тексте действительно было восемь лет, и нельзя было превратить их в сплошное ожидание эффектной сцены.

— Ей было удобно, — сказала Ксения.

— Удобство тоже иногда бывает хорошо. Особенно когда его нет.

С верхней палубы донеслось, как Поля требует вернуть ножницы. Кто-то ответил, что ими только верёвку подрезал. Поля произнесла имя Господа так, что в салоне все на секунду замолчали. Потом Бреннер вздохнул:

— Вот это у нас готовый третий акт.

Чтение начали заново. Ксения попробовала улыбаться там, где раньше держала обиду. Изменение оказалось труднее, чем казалось: если Лидия любила этот дом, уйти из него значило больше, чем торжественно выйти из тюрьмы. Вместе с тяжестью в сцене появились вещи,

которых прежде не было. Ей захотелось поправить на столе салфетку, помочь сестре снять шляпу, привычно подвинуть матери стул. Когда в конце чтения брат сообщил, что сам решил её будущее, Ксения неожиданно не нашла голоса для быстрого возражения.

— Дальше, — тихо сказала Зинаида.

Ксения продолжила. На этот раз никто не спешил закрывать книги.

После репетиции ей захотелось пройти по городу одной. Она купила на рынке яблоко, села на скамью и долго держала его в руке. Вокруг двигалась обычная жизнь, где люди называли друг друга по имени и не нуждались в объяснении, какую роль им сейчас играют. Женщина поправляла ребёнку шапку; двое мужчин обсуждали покупку леса; девушка у соседней лавки смеялась, показывая спутнице новую ленту. Ксения вдруг устала от того, что сама себе всё время назначает следующий срок: к осени, к тридцати, после Нижнего.

Она достала из сумочки письмо Вольскому, которое так и не отправила. Написала его ещё в Рыбинске, до исчезновения Силантьева. Начиналось оно с подробного перечисления ролей. Сейчас перечисление показалось просьбой поверить, что она вообще существует.

Ксения перевернула лист и написала заново, короче. Она сообщала о маршруте, о новой работе и готовности явиться на просмотр; не называла себя ведущей артисткой необыкновенной труппы. Конверт подписала человеку, который зимой отвечал ей от имени антрепренёра: администратору Виктору Александровичу Ратову. В отличие от Вольского, чьи афиши попадались на каждом театральном столе, Ратов был для неё только почерком, ровным и терпеливым.

Опустив письмо, Ксения почувствовала не облегчение, а внезапный страх. Пока оно лежало в сумочке, отрицательного ответа не могло быть. Теперь где-то далеко посторонний человек получил право сказать, что её трёхлетняя надежда ему не нужна.

* * *

Платье Лидии делали из старого городского костюма Ксении. Никакой особенной роскоши роль не требовала, но ткань была хороша только спереди: сзади остались выгоревшие полосы. Поля распорол боковой шов, выпустила запас и показала, что будет видно в вечернем свете.

— Сядете на стул — разойдётся.

— У меня в этой сцене нет стула.

— Тогда я вам его принесу специально. Чтобы вы один раз сели до публики.

Ксения рассмеялась и подчинилась. Шов натянулся. Поля объяснила, что нужна вставка, а для вставки — ткань. В сундуке Зинаиды нашёлся подходящий кусок тёмного шёлка. Ксения попросила одолжить.

Зинаида долго рассматривала платье.

— Это от моего костюма к «Второй двери».

Ксения подняла голову.

— Вы её играли?

— Лидию. Одиннадцать лет назад.

На палубе было шумно, но между ними возникла отдельная тишина. Ксения увидела, как прищурилась Поля. Та поняла всё раньше: шёлк подходил не случайно.

— Почему вы не сказали?

— Вы не спросили.

Это было справедливо и жестоко одновременно. Ксения попыталась вспомнить, какими словами на первом чтении объясняла Зинаиде её новую роль — мать той женщины, которой та прежде была. Наверняка употребила что-нибудь о тяжести возраста. Теперь хотелось найти и отменить каждую фразу.

— Я не знала, — сказала она.

— Теперь знаете. Ткань берите.

Зинаида отдала свёрток и ушла. Ксения осталась перед Полей в недошитом платье, не зная, благодарность сейчас будет ещё одной обидой или лекарством от неё.

— Ей нужно играть, — сказала Поля. — А вы всё время хотите, чтобы она вас понимала. Ксения посмотрела на неё.

— Вы слишком много стали говорить, Пелагея Никитична.

— Так вы стоите. Я могу до конца договорить.

Ксения отвернулась к окну, чтобы скрыть улыбку. За последние дни вокруг неё собрались люди, которых нельзя было победить громкостью. Она ещё не решила, считать ли это хорошим признаком.

Михаил застал примерку ближе к вечеру. Он принёс образец афиши и остановился у двери, увидев Полю на коленях и Ксению в платье, сколотом булавками. Ксения не повернулась: один край шва мог немедленно распасться.

— Оставьте на столе.

— Я хотел показать цвет.

— Цвет подождёт. Меня сейчас разобрали.

Он положил лист, но задержался. Ксения видела его в зеркале. Взгляд прошёл по её плечу, по короткому рукаву, по пальцам, державшим ткань у талии, и остановился на булавке возле шеи. Он будто пытался найти в происходящем одно безопасное место, на которое можно смотреть без разрешения.

— Хорошо? — спросила она.

— Афиша?

— Да, конечно, афиша.

Поля фыркнула. Михаил покраснел, и Ксения пожалела, что поддела его. С мужчинами, которые никогда не краснели, ей было проще и скучнее.

Он показал лист: заглавные буквы шли по мягкому изгибу, снизу оставалось место для состава труппы. Вместо обычной тяжёлой рамки он нарисовал маленькую речную волну. Ксения попросила оставить её.

— Люди решат, что мы даём прогулку, — заметил он.

— Тогда напишем ясно, что спектакль в саду. А волну оставим. Она хорошая.

Поля велела Ксении повернуться. Она шагнула, наступила на ещё не подрубленный край и потеряла равновесие. Михаил подхватил её за локоть. Всё произошло совершенно обычно: иначе она бы упала. Но его рука осталась на секунду дольше, чем требовалось, и Ксения ощутила это маленькое промедление яснее, чем любой комплимент.

Она высвободила локоть сама.

— Благодарю.

— Тут булавки, — сказал он, глядя почему-то на Полю.

— Поэтому я и прошу не ходить, — ответила та.

* * *

На следующей репетиции Ксения рассердилась на Бреннера.

Он снова искал смешное там, где ей требовалась горечь. Его Павел, домохозяин и брат, шупал карманы перед неприятным разговором, поправлял манжету, обходил стол так, будто надеялся, что стол за него всё объяснит. Ксения остановила.

— Вы боитесь быть серьёзным.

— А мой человек боится сестры. Ему гораздо хуже.

— Он распоряжается её жизнью.

— Тем более боится. Вдруг она скажет: «Не распоряжайся». И что он тогда?

Ксения попросила сделать прямо. Бреннер сделал: сел, посмотрел на неё и холодно произнёс слова брата. Сцена сразу стала понятной и мёртвой.

Зинаида Павловна закрыла книгу.

— Теперь вы можете смело уйти, — сказала она Ксении. — От такого любой уйдёт. Даже я, а мне по роли деваться некуда.

Ксения отодвинула стул.

— Если вы все знаете лучше, ставьте сами.

Она услышала собственную фразу и поняла, что сказала её уже много раз в разных городах. После неё обычно наступала пауза, все уступали, и репетиция продолжалась хуже. Сегодня пауза тоже наступила, но никто не уступил.

Юлий, сидевший у окна с нотами, встал и ушёл на палубу. Он не участвовал в сцене, однако его уход оказался самым неприятным: словно зритель купил билет на внутреннюю жизнь труппы и потребовал вернуть деньги.

Ксения прошла к двери, постояла там и вернулась.

— Хорошо. Аркадий Фомич, сыграйте как хотели. Я попробую иначе.

Бреннер не стал благодарить. Пощупал карман, нашёл платок, слишком аккуратно сложил и начал. Ксения дала ему закончить. Теперь перед ней сидел не жестокий хозяин её судьбы, а человек, который считал себя хорошим братом и до последнего собирался сохранить это приятное мнение. Она вдруг захотела не победить его, а спросить, почему он даже не заметил её желания.

Реплика прозвучала иначе. Фаня подняла голову. Зинаида перестала смотреть в книгу.

В сцене не произошло ничего внешне крупного. Бреннер наконец положил платок. Ксения села на стул, которого у неё, по её же вчерашним словам, здесь не было. И оказалось, что этот внезапно понадобившийся стул держит всё действие лучше, чем заранее приготовленная красивая стойка у двери.

Повторили. Во второй раз вышло хуже. В третий — ближе. Ксения больше не торопилась объявлять успех.

Когда закончили, Михаил вошёл с береговыми новостями. В саду просили подтвердить время и прислать число мест для служебных приглашений. Она сперва не поняла, о чём речь: слишком медленно возвращалась к июльскому дню и пароходу.

— Два места у окна, — ответила она.

— В саду нет окна.

Бреннер тихо засмеялся. Ксения посмотрела на условный стол из пьесы, потом на Михаила и тоже рассмеялась. Раздражение, державшее её всё утро, наконец отпустило.

— Два места во втором ряду. Для приличных людей. Первого ряда я сегодня боюсь.

— Там будет критик?

— Там иногда бывают люди, которые скучают. Они страшнее.

Михаил спросил, можно ли посидеть на следующей репетиции. Ксения хотела отказать: его присутствие стало мешать не так, как чужое. При нём хотелось удаваться. Но после сегодняшнего спора просьба показалась справедливой платой за то, что он вёз их к этому желанию.

— Можно. Только не говорите потом, что было хорошо, если не было.

— А если я не умею судить?

— Скажите, в какой момент начали думать о другом.

Он кивнул с той серьёзностью, которая иногда раздражала, а сейчас тронула её.

* * *

Поздно вечером Ксения пришла к Зинаиде Павловне вернуть остаток шёлка.

В каюте пахло пудрой и яблоками. На стене, прикреплённая к ленте, висела старая фотография актрисы: полное плечо, поворот головы, взгляд поверх фотографа. Это лицо было не столько молодым, сколько уверенным, что на него захотят посмотреть ещё раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.